

С. В.

Волошин

<Из Литературной энциклопедии 1929 г.>

ВОЛОШИН Максимилиан Александрович (1877–) (полная фамилия *Кирienko — Волошин*) — поэт-символист. Родился в дворянско-интеллигентской семье. По отцу предки В. — запорожские казаки, со стороны матери — немецкая кровь. Окончил Феодосийскую гимназию. С I курса юридического факультета Московского университета был уволен за участие в студенческих беспорядках и выслан в Феодосию. В 1899 совершил первое свое заграничное путешествие. По возвращении в Россию, был снова выслан — в Туркестан. Полгода странствовал по среднеазиатской пустыне, затем уехал в Париж, где жил до 1907, занимаясь живописью и поэзией, время от времени наезжая в Петербург и совершая непрерывные путешествия по Европе. Впервые выступает в печати с критической статьей о Бальмонтских переводах Гауптмана (в «Русской мысли», 1900)¹. В этой статье Волошин заявляет себя противником «новой поэзии». Однако вскоре, после личного знакомства с Бальмонтом и другими поэтами-символистами, Волошин примыкает к русской символической школе, в органах которой («Новый путь», «Весы», «Золотое руно» и другие) начинают печататься его рисунки, стихи, статьи по литературе и искусству. Примыкая к символистам основными чертами своего творчества, В. в то же время не замыкается в узких рамках школы, принимая с 1909 близкое участие в боевом органе акмеистов — журнале «Аполлон», по вопросам живописи выступая вместе с кубистами. В 1913 снова уезжает в Париж. В Россию возвращается незадолго до Февральской революции. С весны 1917 поселяется в Коктебеле, в Крыму. Стихи В. последнего периода печатались в «Красной нови», сборниках — «Недра», «Наши дни» и др.

Поэтическое творчество В. делится на два резко отличных друг от друга периода, гранью между которыми является война 1914–1918 и в особенности революция 1917. В стихах первого периода В. — типичный выученник, с одной стороны, поэтов французского Парнаса (см.

«Парнасцы»), с другой — художников-импрессионистов, среди которых проходят его ученические годы в Париже. Ранние его стихи — это или изысканные по форме, перегруженные образами, перенасыщенные красками холодные и торжественные полотна послушного ученика Эредиа² и молодого Верхарна³ (сонеты, венки сонетов, цикл «Руанский собор» и другие), или «сквозные» — все в «цветных пятнах», «брызгах», «бликах», — импрессионистические акварели, сквозь которые поэт стремится показать «лирический фон души» (цикл «Париж» и другие). Но и в том, и в другом случае стихи Волошина — плод изощреннейшей интеллектуальной культуры. Основными источниками его поэтического вдохновения являются библиотека и музей. В бесконечных «блужданиях» по европейским странам его привлекают по преимуществу «священные камни» старой Европы. Природа, чтобы найти место в его стихах, должна или пройти сквозь призму мифологии, даже подчас некоего подобия научного видения, или предварительно стать искусством. На свои занятия живописью сам он смотрит как на промежуточное звено, как на вспомогательное средство к художественно-словесному творчеству. И в его стихах первого периода «живописец» почти преобладает над поэтом. «Демократическая» современность, «бюргерская», «мещанская», «машинная» цивилизация XX в. чужда и враждебна В.; — для него «вериги: асфальты, рельсы, платья, книги», в его душе порождают тот же «испуг — скелет, машина и паук». Изгоями, пасынками современности, возмещающими ей в свою очередь жгучей ненавистью и презрением, являются и все любимые писатели Волошина, которым он наиболее обязан своим общим и художественным мирозерцанием: нищий потомок знаменитого исторического рода, гр. Вилье де Лиль-Адан⁴, «непримиримый католик», дэнди и шуан Барбэ Д'Оревилль⁵, наконец навсегда оставивший Европу для Китая Поль Клодель⁶. Подобно им Волошин ощущает себя в современности «прохожим», «всему чужим» — «странником вечным, в пути бесконечном»⁷. От «ревущего»⁸ Парижа, от современности с ее фабриками, небоскребами и цилиндрами поэт устремляется «в просторы всех веков и стран, легенд, историй и поверий»⁹ — в мир древнеэллинской мифологии и темных причудливых концепций французского оккультизма и индусской теософии.

На этот отрешенный, сложный, искусственный мир поэзии, перенасыщенной культурой, обрушиваются ряд последовательных ударов война и революция. Уже в период революции 1905 в стихах поэта одиночки возникает новая, неожиданная тема выхода из «узкого лунного терема» в простой человеческий мир, «к разгулам будней, к шумам буйных площадей, к ярким полымям полудней, к пестроте живых людей»¹⁰ — тема слияния с людьми, с современностью. В годы реакции

тема эта снова совершенно замирает, чтобы опять с еще большей силой зазвучать в годы войны. Военные стихи Волошина [1914–1916] выгодно отличаются от барабанно-патриотической поэзии большинства поэтов-современников. Сквозь «пышные ризы»¹¹ торжественно приподнятой формы в них звучит подлинная живая боль поэта за все израненное, обезумевшее человечество: «не знать, не слышать и не видеть, застыть, как соль, уйти в снега»¹² — восклицает поэт и в другом стихотворении прибавляет: «в эти дни душа больна одним искушением — развоплотиться»¹³. Однако дальше пассивных настроений скорби, сострадания, своеобразной позиции нейтралитета в отношении обеих воюющих сторон Волошин не идет. В стихах В. о революции ярко сказывается его социальная сущность. Всем своим прошлым деклассированный интеллигент, В., оторванный от всякой устойчивой социальной почвы, живущий мечтой в былом, на кладбищах «людских культур» «всех веков и рас»¹⁴, конечно, чужд и революции. В своих стихах он готов связать нашу Октябрьскую революцию с протопопом Аввакумом, Стенькой, Кудеяром, с «первым большевиком»¹⁵ — Петром Великим, с древними крестьянскими бунтами или с деспотизмом московских царей — с кем и с чем угодно, но только не с классовой борьбой буржуазии и пролетариата. Его стихи о революции представляют собой сложный конгломерат, в котором традиции Достоевского и Тютчева соединяются с Пушкинским упоением «бездны мрачной на краю»¹⁶, с мятежными порывами Верхарна. Среди первых стихов В., написанных сейчас же после Октябрьского переворота, есть и прямо враждебные революции («Брестский мир» и др.). Понять революцию В. ни в какой мере не дано, но переворот в его поэзии она произвела. Из «восторженного эстетика»¹⁷, как метко называл В. Иннокентий Анненский, она превратила его в поэта, в стихах которого стали преобладать общественные мотивы, из «чужого всему» «странника» по мировым путям и перепутьям — в «почвенника», для которого тема России, русской истории стала основной темой творчества.

Кроме оригинальных стихов В. принадлежит ряд переводов французских поэтов (должно особенно отметить переводы из Верхарна) и большое количество журнальных статей по литературе и искусству, гл. образом живописи. Небольшая часть их — статьи о французской литературе и французском театре — вышла отдельной книгой в 1914 («Лики творчества»).

Библиография: I. Стихотворения, М., 1910; Anno mundi ardentis, М., 1916; Иверни, избр. стихотв., М., 1918; Верхарн (Судьба. Творчество, переводы), М., 1919 (2-е изд., Одесса, 1919); Демоны глухонемые, Харьков, 1919 (2-е изд., Берлин, 1924). Проза: О Репине, М., 1913; Лики творчества, СПб., 1914.

II. Анненский И., О современном лиризме, «Аполлон», кн. 2, 1909; Кузмин М. и Иванов Вяч., Стихи Волошина, «Аполлон», кн. 7, 1910; Фидлер Ф., Первые литературные шаги (автобиография), М., 1911; Брюсов В., Далекie и близкие, М., 1912; Львов-Рогачевский В., Книга для чтения по истории новейшей русской литературы, т. II, Л., 1925; Ланн Е. Ш., Писательская судьба Волошина, М., 1927.

III. Писатели современной эпохи, Био-библиографический словарь, т. I, Под редакцией Б. П. Козьмина, М., 1928. Библиографические сведения в кн.: Мандельштам Р. С., Художественная литература в оценке русской марксистской критики, изд. 4-е, М.; Л., 1928.

